

Vera Kurian
NEVER SAW ME COMING

Вера Куриан

ТАЙНЫЙ

КЛУБ

ПСИХО

ПАТОВ

Москва
2022

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К93

Vera Kurian

NEVER SAW ME COMING

Copyright © 2021 by Albi Literary Inc.

Куриан, Вера.

К93 Тайный клуб психопатов / Вера Куриан ; [перевод с английского А. Лисочкина]. — Москва : Эксмо, 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-04-164195-5

Для всех Хлоя Севр — отличница-первокурсница, красотка, обожающая фитнес и студенческие вечеринки... Но еще она — диагностированная психопатка. И прямо сейчас замышляет убийство давнего знакомого — этого придурка, посмеявшего очень жестоко ее унизить.

Хлоя — одна из семи студентов колледжа, участвующих в необычном эксперименте: клиническом исследовании психопатов — людей, не способных к эмпатии, никогда не испытывающих чувства вины, стыда или страха. Она согласилась на это, чтобы подобраться ближе к будущей жертве. Но когда одного из участников исследования находят убитым, а вокруг начинается очень опасная игра, Хлоя быстро осознает, что из охотника превратилась в добычу... Чтобы вычислить и обезвредить неведомого убийцу, ей нужно понять, можно ли довериться кому-то из таких же психопатов, как она. Но ведь все знают, что психопату нельзя доверять ни в коем случае...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-164195-5

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1

Обратный отсчет: 60 дней

Едва только захлопнув дверь своей новой комнаты в общежитии, я сразу бросаюсь к окну, высматривая его в огромном внутреннем дворе, вокруг которого прямоугольником выстроились здания университетского кампуса. Хотя непохоже, чтобы сейчас он вдруг оказался где-то там, среди нагруженных чемоданами и коробками родителей первокурсников или горстки студентов, растянувшихся на траве.

Но нет. Вот они — до боли знакомые грязно-желтые патлы. Уилл! Но тут патлатая голова поворачивается, и я понимаю, что это всего лишь какая-то девчонка с неряшливой прической. М-да, вообще-то в свой самый первый день в универе можно было бы выглядеть и поприличней...

Отворачиваюсь от окна и оглядываю свое будущее обиталище с его унылыми линолеумными полами, мысленно составляя список первоочередных дел. 1. Избавиться от матушки. Вычеркиваем. Она уже свалила и сейчас наверняка гонит по трассе И-95, открывая на ходу бутылку шампанского — на радостях, что наконец-то сбагрила меня с рук долой. 2. Застолбить самое выгодное место в двухместном блоке, пока не объявилась моя соседка, Джессика. 3. Завязать несколько новых знакомств (желательно от шести до восьми человек), после чего перейти к пункту 4: зарегистрироваться в указанном мне кабинете на психфаке. 5. Найти Уилла.

Нам с Джессикой достался блок с двумя отдельными спальнями, причем одна явно больше другой. И хотя в иной ситуации моим нормальным побуждением было бы захватить ту, что попросторней, я сразу увидела основной ее недостаток. Окна в ней выходят прямо на двор. А что, если посреди ночи мне приспичит потихоньку улизнуть через окно и так же незаметно вернуться обратно? В наши дни у каждого наготове мобильник с камерой, чтобы тут же заснять что-нибудь хотя бы отдаленно интересное, и в этом случае меня будет легко засечь из соседних общаг и учебных зданий, окаймляющих двор, — слишком уж много зрителей, на мой вкус.

В итоге выбираю комнату поменьше. Подобная щедрость заработает мне дополнительные очки с моей новой соседкой, но, что гораздо важнее, окно здесь выходит на глухую кирпичную стену соседнего здания, а прямо к нему приделана металлическая пожарная лестница — просто идеальный вариант, если мне понадобится незаметно войти или выйти. Перетаскиваю туда коробки и застилаю кровать, водрузив сверху своего огромного плюшевого кита, чтобы окончательно застолбить территорию. Голоса из коридора так и взывают ко мне, и теперь остается лишь побыстрее застолбиться и в коллективе, в котором мне предстоит существовать.

Перед тем как выйти из комнаты, подвергаю себя беглому осмотру, освежив блеск на губах и приведя в порядок волосы. Прическа как раз в меру: свободная боковая французская коса, словно заплетенная наспех, но на деле требующая довольно много возни, чтобы выглядеть небрежно и непринужденно. В глазах окружающих я должна быть того рода девчонкой, которой не надо прикладывать каких-то особых усилий, чтобы естественным образом выглядеть и слегка сексуально, и при этом достаточно целомудренно, даже просто скатившись утром с кровати. Когда отвечаешь каким-то объективным стандартам внешней привлекательности, люди думают, что ты лучше, чем на

самом деле, — умней, интересней, заслуживаешь большего внимания. А если и ведешь себя соответственно, то мало кто перед тобой устоит.

Через весь наш корпус под названием «Брюсер» тянется один длинный коридор с двухместными жилыми блоками по обеим сторонам — комнатами, как их тут для простоты дела называют. Засовываю голову прямо в соседнюю дверь, где две брюнетки селятся вытащить толстое пуховое одеяло из пластикового пакета.

— Привет! — жизнерадостно восклицаю я. — Я Хлоя!

Для них я могу быть кем угодно. Хохотушкой, простой незакомплексованной девчонкой, потенциально лучшей подружкой — той, с кем можно делиться девичьими секретами во время полуночных посиделок у холодильника. Когда я таким вот образом навожу мосты, то каждый раз играю какую-нибудь маленькую подходящую случаю роль, порой всего несколько секунд, но если мне надо кого-то конкретно захмутать, то могу и выложиться по полной. Могу выглядеть моложе, если надо: нацепить что-нибудь посвободнее, чтобы скрыть фигуру, заставить свои глаза сверкать придурковатым восторгом — святая простота, да и только. Могу выглядеть старше, тщательно подобрав макияж и одежду, засветить соблазнительные ложбинки на теле, если потребуется. Это достаточно просто, потому что люди склонны видеть то, что хотят видеть.

Перехожу от двери к двери. Комната 202.

— Боже, просто чудо, что за волосы! — лепечу я энергичной улыбчивой блондинке, которая, по моим прикидкам, явно окажется в центре общего внимания.

Комната 206.

— А вы, часом, не братья? — робко интересуюсь я у двух парней, явно гребцов, причем из одного слаженного экипажа (классные тела, но совершенно детские личики — не в моем вкусе). Двое из ларца, одинаковы с лица... Они ухмыляются в ответ, поглядывая на мои титьки, и каж-

дый пыжится выдать что-нибудь остроумное. Без особого, впрочем, успеха.

В комнате 212 парочка каких-то скромняшек. Держатся неуверенно. Веду себя с ними приветливо, но надолго не задерживаюсь, поскольку знаю, что ключевыми игроками им тут не бывать.

Знакомясь с будущими сокурсниками, одновременно прикидываю, кто из них, скорее всего, впишется в ту часть студенческой жизни, которую принято именовать «греческой»¹. Уилл тоже состоит в студенческом братстве «Сигма-Альфа-Эпсилон», и одна из моих первостепенных деловых задач — проникнуть в ряды этого братства. «Двое из ларца» уже в коридоре, шумно обсуждают намеченный на вечер поход в какой-то клубешник. Тусовка в первый же день — это хорошо: ребятки, похоже, из тех, кого примут в братстве с распростертыми объятиями, а чья-то рекомендация мне явно не помешает.

— Обожаю танцевать! — восторженно объявляю я это, как его, который повыше, тербя кончик косички. — Самый лучший способ познакомиться с людьми поближе.

Он улыбается мне с высоты своего роста, весело прищурившись. Если в старших классах школы я чему и на-

---

¹ Большинство американских студентов состоит в так называемых «братствах» и «сестринствах» — общественных объединениях, не привязанных к какому-то конкретному учебному заведению. Названия их обозначаются одной-двумя буквами греческого алфавита, поэтому жизнь такого студенческого братства именуется «греческой». Кое-что из структуры, иерархии и традиций таких братств заимствовано у масонских лож — в частности, вступительные ритуалы, нередко связанные с тяжелыми, унижительными, а порой и откровенно рискованными заданиями для новичков (известны даже случаи гибели студентов во время испытательного срока). Хотя полезные функции у таких братств действительно есть (помощь в учебе, обеспечении жильем и т. д.), на самом же деле главная их задача — как следует оттянуться в духе разгульного средневекового студенчества. *Здесь и далее — прим. пер.*

училась, так это тому, что любое совместное времяпрепровождение, не связанное с учебой, тоже подчиняется ряду определенных правил — это игра, в которой постоянно ищешь свое место в сложившейся иерархии, пытаешься всеми правдами и неправдами пробиться наверх и оказаться в центре внимания. Будь той, кого парни мечтают отметить, иначе так и останешься для них совершенно невидимой. Будь той, кого девчонки хотят во что бы то ни стало затащить в свой тесный кружок — неважно, в качестве подружки или соперницы, — иначе так и помрешь совершенно никому не нужной.

Даже по этим беглым знакомствам я могу судить, что в этом корпусе нет никого из моей программы. До сих пор я еще не встречала людей, подобных себе, но когда это со временем произойдет, думаю, это будет скорей похоже на встречу двух волков в ночи, которые, обнюхавшись, сразу же признают друг в друге собрата-хищника. Но сомневаюсь, чтобы организаторы разместили хотя бы двоих из нас в одной и той же общаге — в программе всего семь участников, так что всех наверняка раскидали по разным местам — как говорится, на всякий пожарный.

И вот наконец настает время оставить моих новых знакомых наедине с их собственными делами и идти регистрироваться в программе.

Психологический факультет в противоположном углу двора, по диагонали от моего корпуса, и хорошо виден из окон общей комнаты нашего двухместного блока. Густо поросший травой двор крест-накрест пересечен кирпичными дорожками, и на каждом из кирпичей высечено имя какого-нибудь выпускника — типа «Джон Смит, выпуск 2003», и так далее. Забавно: Уиллу так и не достанется такой вот кирпич, в отличие от меня. Над одной из самых больших общаг, Тайлер-холлом, растянут огромный транспарант: «ПРИВЕТ ПЕРВОКУРСНИКАМ!!!» Останавливаюсь, чтобы щелкнуть селфи с этим транспарантом на заднем плане: смотрите, люди, в каком восторге эта девчонка от

своего первого дня в колледже — ведет себя так, как в таких случаях и полагается!

То, что в итоге я оказалась в университете имени Джона Адамса¹, — это практически перст судьбы. С учетом задуманного меня устраивал в первую очередь Вашингтон или его окрестности, так что я подала заявления в Джорджтаунский и Американский университеты, университеты Джорджа Вашингтона и Джона Адамса, в Католический университет и Колледж Троицы — все они расположены в пределах округа Колумбия². Чисто для подстраховки подала документы и в чуть более удаленные учебные заведения вроде Джорджа Мейсона и Мерилендского университета. Приняли меня во все, кроме Джорджтауна³. Хотя ну их в жопу. Школу я закончила с отличием: ай-кью — 135 пунктов (до уровня гения всего пяти не хватает), круглые пятерки по всем предметам, стандартизованные тесты пройдены на ура. Большая часть моего гардероба куплена на средства, заработанные написанием работ для других абитуриентов. Интересно, скольким из них удалось поступить в колледж благодаря проникновенному сочинению про умирающую от рака бабушку, которой у них в жизни не было?

Практически везде мне сразу пообещали стипендию, но предложение от Адамса оказалось самым заманчи-

---

¹ Джон Адамс (1735—1826) — первый вице-президент и второй президент США, личность реально существовавшая, а вот университет его имени в Вашингтоне вымышленный.

² Округ Колумбия (*англ.* District of Columbia, или DC) — фактически город Вашингтон вместе с его городами-спутниками, самостоятельная территория, не входящая ни в один из штатов. Именно так — Ди-Си — американцы чаще всего именуют свою столицу, во многом для того чтобы не путать ее с одноименным штатом на северо-западе страны.

³ Джорджтаунский университет — католический (иезуитский) частный университет в Вашингтоне, основанный в 1789 г., очень престижное учебное заведение. Один из пяти ведущих университетов в мире в области политических наук и дипломатии.

вым. Даже если бы я не подошла для психологического исследования, меня все равно ждала щедрая финансовая поддержка, предоставляемая абитуриентам моего уровня, чтобы заманить их в программу обучения по модели свободных искусств и наук¹. Но меня это не волновало — из-за Уилла университет Адамса всегда стоял для меня на первом месте. Еще один бонус — это его местоположение: практически в самом центре Вашингтона, перенаселенного города с довольно высоким числом убийств на душу населения. Кампус располагается в недавно обновленном микрорайоне под названием Шо, чуть восточней пафосной Логан-сёркл и к югу от Ю-стрит², весьма популярной среди тусовщиков. Несмотря на то что рестораны и питейные заведения в этом райончике в основном приличные, публика тут регулярно бьет друг другу морды по пьяни, порой пуская в ход ножи, а случайного прохожего могут ограбить прямо посреди бела дня. Правоохранителям здесь и без того дел по горло из-за бесконечной череды всяких маршей протеста, международных конференций и дипломатических визитов — наверняка им глубоко насрать, что там на уме у какой-то случайной восемнадцатилетней девчонки с «Айфоном» в руке и ангельским выражением на лице.

---

¹ Активно продвигаемая в последнее время система высшего образования, толком объяснить которую не всегда способны и самые рьяные ее адепты. Одно из определений звучит так: «Гибкий план обучения, совмещающий широту дисциплинарного охвата с глубиной изучаемого предмета, поощряющий междисциплинарность и предоставляющий студентам максимально возможную свободу выбора». В общем, это нечто вроде принятой еще в Средние века системы, основанной на «энциклопедических» знаниях общего характера, но все-таки с какой-то конкретной специализацией.

² В Вашингтоне, как и в ряде других крупных городов США вроде Нью-Йорка, некоторые улицы названы буквами латинского алфавита. «Пронумерованные» улицы и авеню, кстати, здесь тоже имеются.

Мрачноватое здание психфака мне сразу понравилось — натуральный средневековый замок. Его красно-кирпичные стены густо затянуты плющом, а стекла в тяжелых чугунных рамах кажутся слегка волнистыми, словно оставшимися с каких-то древних времен. Огромный, похожий на пещеру вестибюль тускло освещен большой люстрой с помигивающими желтоватыми лампочками, и пахнет здесь старыми книгами. Входя, представляю себе, будто за мной катит киношная камера на тележке, а зрители замирают при мысли об опасностях, которые могут поджидать меня внутри. Вид у меня такой умильно-беззащитный, что они за меня точно переживали бы.

Поднимаюсь по винтовой лестнице на шестой этаж, где мне предстоит зарегистрироваться в качестве участника программы. Комната 615 прячется в самом конце длинного коридора: не сразу и найдешь. Табличка на двери гласит: «Леонард Уимен, доктор наук; Елена Торрес, кандидат наук». Узнаю эти фамилии из выданных мне документов.

Стучусь, и через несколько секунд дверь распахивается.

— Ага, вы, должно быть, Хлоя Севр! — восклицает открывшая мне молодая женщина.

Протягивает мне руку. Наверняка у них на меня полное досье. У меня уже была куча телефонных собеседований с какими-то их сотрудниками и одно с самим Уименом, плюс они успели опросить мою мать и моего школьного психолога.

Рука у женщины костлявая, но сухая и теплая, в шоколадно-коричневых глазах ни капли страха или даже опаски.

— Меня зовут Елена, я помощница доктора Уимена, его бывшая аспирантка.

Улыбнувшись, она жестом приглашает меня войти. Проводит меня через довольно захламленную приемную, мимо заваленного бумагами письменного стола с тремя ноутбуками и дальше по коридору в кабинет поменьше, очевидно, ее собственный.

Закрывает за нами дверь.

— Сейчас мы всё устроим. В бухгалтерии уже были? Стипендию оформили? Компенсацию тоже?

Как и всем семи участникам исследования, мне, помимо всего прочего, был предоставлен и бесплатный проезд до места учебы. Все, что от меня требовалось взамен, — это желание на полный рабочий день стать подопытным кроликом в том, что называется «Многоподходное исследование на группе испытуемых с диагнозом «психопатия».

Киваю, озираясь по сторонам. Стеллажи в кабинете забиты книгами и стопками распечатанных статей. Три выпуска «Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам»¹ за разные годы. Множество каких-то толстенных трудов по «аномальной» психологии. Книга «Без сознания» Роберта Хейра², которую я уже читала...

— Отлично, — говорит Елена. Открывает что-то у себя на компьютере. Подобрал с коврика для мыши ячменную булочку, откусывает, шумно жует. Симпатичная тетка, пусть даже и типичная аспирантка. Оливковая кожа, красиво очерченные выступающие ключицы... Так и представляешь, как она по уши влюбляется в какого-нибудь тощего очкастого «ботаника» и пытается завести детей, когда поезд уже давно ушел.

— Ага, вот оно...

Хозяйка кабинета несколько раз щелкает мышью, и принтер оживает. Когда она встает, чтобы достать распечатки, наклоняюсь, пытаюсь разглядеть экран компьюте-

---

¹ ДСР (DSM, Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders) — «Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам», выпускаемое и регулярно обновляемое Американской психиатрической ассоциацией (АПА): ряд психических заболеваний и расстройств иногда меняет свой статус и попадает в иные категории.

² Роберт Д. Хейр (р. 1934) — канадский психолог, известный своими исследованиями в области психологии преступников.

ра, но монитор прикрыт по бокам защитными шторками. Не знаю, насколько все это секретно, но мне все-таки уже удалось выяснить, сколько студентов участвует в программе, пока один из администраторов в бухгалтерии занимался моей стипендией и прочими компенсациями. Просто умираю от любопытства, кто же остальные шестеро. Что это за лучшие из лучших с мозгами набекрень?

Елена вручает мне стопку документов на скрепках — формы информированного согласия на мое участие в различных опытах и экспериментах, гарантии того, что мои личные данные не будут переданы третьим лицам, что исследования, проводимые при помощи компьютерной техники, связаны с минимальным риском, а образцы крови забираются только лицензированным медработником и так далее, и тому подобное. Потом опять еще что-то о защите личных данных, отслеживании местоположения — тут я вчитываюсь повнимательней — и о том, что по закону они обязаны проинформировать соответствующие органы, если я буду представлять угрозу для самой себя или для окружающих. Да ради бога! Я вовсе не собираюсь вести себя так, чтобы представляемая мною угроза стала общеизвестным фактом.

Заканчивая подписывать документы, вижу, как Елена достает из сейфа небольшую коробочку и вынимает из нее что-то блестящее.

— А вот ваши смарт-часы.

Чудо что за вещица! Они черные и глянцевые, словно из какого-то шпионского фильма.

— Вы должны постоянно их носить, как и оговорено. Они фиксируют ваш пульс и фазы сна — и да, часы водонепроницаемые, кстати, так что не снимайте их перед тем, как принять душ. Можете в них даже купаться.

Протягиваю руку, и Елена торжественно застегивает их у меня на запястье, словно ювелир, надевающий на руку покупателя драгоценный браслет.

— Если они не подходят вам по стилю, можете просто снять ремешок и повесить их на шнурке за пазухой. Когда

к вам поступит запрос мониторинга настроения, на экране появится вот такая иконка.

Она нажимает какие-то клавиши на своем компьютере, и на черном экране смарт-часов возникает красный восклицательный знак. Елена показывает на него, предлагая прикоснуться к нему пальцем, как к экрану смартфона. Когда я это делаю, восклицательный знак исчезает, сменившись текстом, спрашивающим меня, чем я в данный момент занимаюсь, а также вопросом: «Насколько хорошее у вас сейчас настроение? 1 2 3 4 5 6 7».

— Мониторинг настроения не занимает много времени, — объясняет Елена. — Максимум пару минут. Предполагается, что вы должны дать ответ сразу после поступления уведомления — это наша попытка оценить, как люди действительно чувствуют себя на протяжении обычного дня, не в искусственных лабораторных условиях. Но вполне можно немного отложить заполнение опросника, если вы, например, на экзамене или пишете контрольную — мне бы не хотелось, чтобы ваш преподаватель подумал, что вы списываете, или еще чего.

— А преподаватели в Адамсе в курсе, что я участвую в исследовании?

— Нет, ваше участие в программе и диагноз совершенно конфиденциальны.

— И эти часы постоянно отслеживают мое местонахождение?

— Нет. В смысле, иногда они все-таки связываются со спутниками, но нет, мы получаем данные о вашем местоположении только в момент передачи ответа на запрос о настроении, поскольку нам нужно понимать ситуацию, в который вы находитесь, и по какой причине чувствуете себя тем или иным образом. По-моему, вам и самой будет интересно посмотреть, насколько это поможет вам понять ваши собственные эмоции.

Елена широко улыбается мне, демонстрируя щербинку на зубе. Сказанное вызывает у меня некоторое об-